Как итог – все его нововведения были проведены грамотно, а быстро разросшийся бюрократический аппарат – грамотно организован. Хотя, стоит признать, что в нормальном мире его работники на него подали бы в суд многочисленные иски по поводу бесчисленных неоплачиваемых переработок. Впрочем, мы всё-таки здесь, и воля Фридриха нынче – безоговорочный приоритет (довольно забавно, что он устроил диктатуру, желая построить демократию).

Тем не менее, хочу обратить ваше внимание на то, что основной всплеск законотворческой инициативы был закончен, а рост бюрократического аппарата – наконец-то обуздан. Таким образом, Фридрих сумел уделить больше внимания научной сфере.

Итак, начал он, естественно, с металлургии, где он надоумил парочку «учёных» на строительство опытной мартеновской печи (значительно меньшей по размерам, чем обычная). Естественно, он всё оплатил.

Жаль, конечно, тогда он не знал, что получится её успешно построить лишь с 17-ой попытки. Ну, зато металлургия, а также все смежные с ней области, продвинулись на десятки, если не сотни лет вперёд.

Многочисленные учёные, ведомые «чутьём» Фридриха, совершали открытие за открытием, так как уже знали, что и где искать, вместо того, чтобы бесцельно бродить по тёмной комнате, разыскивая иголку в нескольких стогах сена.

Так, например, один выдающийся английский математик, Ричард Суайнсхед, приглашённый преподавать учение Фибоначчи о «методах индийцев» (курс лекций про позиционную систему исчисления и арабские, они же индийские цифры), был быстро убеждён примкнуть в научную группу, в которой также оказался его знакомый по Мертон-колледжу, Уильям Хейтсбери.

Объединившись с другим их коллегой по Оксфорду, на этот раз из Италии, Джованни ди Казали, они развили свою теорему о свободном градусе скорости, выведя в своём совместном трактате «Quaestio de Velocitate Motus Alterationis» количественную оценку такого явления, как свободное падение тел. Разумеется, это может показаться бессмысленным бредом, но, вообще-то, это было серьёзным успехом для средневековой математики.

Более того, благодаря массовому распространению книгопечатания и созданию национальной библиотеки, а также развернувшейся бурной деятельности по переводу на немецкий язык работ иностранных мыслителей, в особенности, греческих и арабских, был осуществлён своеобразный переход, так как с очень многими работами теперь можно было ознакомиться только при знании немецкого. Более того, так как перевод осуществлялся переводчиками из Эйсена за деньги короля Эйсена, эйсенский диалект немецкого оказал очень мощное влияние на становление литературного немецкого…

Впрочем, сейчас не об этом, так что давайте лучше проведём обзор научных изысканий других людей.

Итак, группа, состоящая преимущественно из молодых студентов Ульфхаймского университета, пользуясь наработками оксфордских учёных, а также трудами многих других учёных, с трудами которых они смогли познакомиться благодаря качественным переводам, осуществила очередной прорыв.

Правда, на этот раз в оптике, ведь выдающиеся юноши создали оптическую трубку с трёхкратным увеличением, используя отличные итальянские линзы, заказанные ими за счёт средств от научной премии одного из студентов (он доказал, что висмут является отдельным химическим элементом, за что он был награждён научной премией имени Фридриха).

Вышло дороговато, конечно, по итогу, но они сумели создать телескоп по схеме Кеплера (ну, он то родится только через 200 с лишним лет, но мы будем применять известные и понятные нам термины).

Патент своего изобретения студенты оформили, по солидарному решению всех «исследователей», на студента, за счёт средств которого и была осуществлена закупка дорогущих итальянских линз (тем более что он принял самое деятельное участие в работе группы). В результате пальма первенства в изобретении телескопа отныне принадлежит не Галилею, а некоему студенту под именем «Йохан фон Штудент», ТЕПЕРЬ известному астроному. Вот уж ирония, да?

Впрочем, если отойти от шуток, то это, как бы дико это не звучало, лишь один маленький эпизод из целой плеяды открытий, совершённых молодыми и не очень, собственными и иностранными, учёными.

Но, разумеется, произошло это не только потому, что Фридрих, такой умный и хороший, помог им грантами, премиями, пропагандой, развитием образование и так далее (эта политика, конечно же, не могла столь скоро принести плоды, и пускай она сыграет свою роль позже, сейчас она не стала ключевым фактором для развития науки).

Как и всегда, причиной научного прогресса стал бурный прогресс промышленности, создавший заказ на этот самый научный прогресс. Причиной же прогресса промышленности стало, разумеется, уничтожение тех барьеров, что раньше сдерживали рост капиталистических производств – в первую очередь, гильдий.

Да-да, несмотря на то, что в Эйсене уже появилось несколько мануфактур, главным образом в горнодобывающей отрасли, гильдии всё ещё представляли собой серьёзную угрозу капитализму, только набирающему обороты (по сути, главная функция гильдии – борьба с перепроизводством, что они делали более-менее успешно, но это же стало и причиной торможения промышленного развития).

Разумеется, свою роль также сыграли и многие другие факторы, такие как освобождение земельного оборота от его феодальных оков, полная утрата католической церковью её прежних, итак зыбких позиций, а также последующее разграбление церковного имущества, которое стало частью первоначального капитала, необходимого для развития капитализма.

Кроме того, свою роль в промышленном развитии также сыграло создание системы налогообложения, ведь до этого герцоги могли собирать налоги только по случаю войны, хотя, стоит признать, что война в последние времена случилась часто, так что население, итак уже привыкшее к налогам, не сильно противилось формальному узакониванию уже сложившейся ситуации.

Ну и, как результат систематического взимания налогов, бюджета, значительные ресурсы которого направлялись на помощь промышленности, пускай эта помощь и не всегда была эффективной из-за организационного хаоса в только что созданных государственных структурах.

По сути, факторов, оказавших влияние на раскручивание капиталистической спирали, столь много, что их все даже и не перечислить, даже если попытаться. И всё же главное – сам факт того, что шестерёнки капитализма, наконец-то, закрутились в полную силу.

Благодаря этому, а также серьёзному приращению итак немаленького первоначального капитала (напоминаем, что Эйсен – одна из богатейших стран Европы) за счёт разорения феодалов, разграбления церкви, продажи имущества погибших рыцарей и других источников моментального пополнения капитала.

Впрочем, мир также не стоял на месте. Даже более, в Европе произошла революция, и её причиной было Королевство Эйсен.

Во-первых, в результате смерти многих военных и политических авторитетов во время последнего «крестового похода» произошло не только крушение многих династий, но и, как следствие последнего, повсеместное укрепление королевской власти, так как многие политические союзы, имевшие своей целью цементировать старые привилегии различных мелких феодалов, попросту прекратили своё существование.

Как не трудно догадаться, в силу того простого факта, что люди, их заключившие, более не были живы, в то время как их наследники (если таковые вообще остались) редко желали возобновлять подобные союзы, опираясь на многочисленные причины, главной из которых была несостоятельность всех этих молодых людей в качестве самостоятельных политических фигур.

Таким образом, у королевской власти, по крайней мере, там, где уже имелись могущественные правители, желающие укрепить свою власть, развязывались руки для дальнейшего перераспределения власти в стране.

Во-вторых, из-за угасания многих династий и воцарения столь же многих новых (в основном, побочных ветвей старых, если и они не прекратили своё существование на далёкой чужбине), геополитическая ориентация которых отличалась от той, что была характерна для их предшественников, произошла дипломатическая революция.

Хотя, конечно же, мы, как верные подданные короля Фридриха, верим в то, что основной

причиной для этого являлось появление на краю Европы новой сверхдержавы, своеобразного военного гегемона (эта точка зрения имеет право на существование, однако совершенно очевидно, что это не было главным фактором).

Таким образом, многие союзы прекратили своё существование, также как и многие обиды были забыты, будто они были лишь страшным сном. Так, например, конфликт Виттельсбахов, герцогов Бранденбурга, с Грифичами, герцогами Померании, был забыт, потому что теперь попросту не было самих Грифичей.

Династия Грейфичей полностью пресеклась по мужской линии со смертью всех троих сыновей Вартислава IV (15-летний Вартислав V умер после случайного падения с лошади, в то время как два его старших брата погибли от картечи под Дерптом, будучи, как и подобает высшим аристократам, на острие атаки рыцарей-крестоносцев).

В результате герцогство Померания отошло маркграфу Бранденбурга – Людвигу V, сыну Людвига IV Баварского (был королём Германии с 1314 по 1322, пока его не разгромил наголову анти-король Германии, Филипп II из династии Габсбургов, ставший императором Священной Римской Империи германской нации в 1328 году под именем Фридриха III).

Разумеется, произошло это не без одобрения императора, его старого врага за титул короля Германии, Филиппа II «Кабана», обменявшего столь удачно освободившуюся Померанию на Тироль, принадлежавший тогда графине Маргарите, мужем которой в 1341 году стал вышеупомянутый Людвиг V, и официальный отказ Людвига IV от любых претензий на императорский титул.

Это – лишь один единственный эпизод из истории Германии, в которой после битвы под Дерптом воцарилась династическая чехарда и анархия на долгих два года. Он, однако, отлично отражает перемены, произошедшие во внешней и внутренней политике Европы, главным образом, в Германии, то есть, Священной Римской Империи германской нации.

Во-вторых, в Южной Германии, вслед за Эйсеном и Далмацией, также стала бурно развиваться буржуазия, причиной чему стало активное расширение торговых связей Баварии с Эйсеном (главной причиной оного стало увеличение экспорта баварского зерна, заменившего австрийское на фоне войны с Австрией). Разумеется, торговцы, курсировавшие по Дунаю, осуществили также, кроме доставки зерна в Эйсен, и экспорт капиталистических идей в Южную Германию.

Ну и, конечно же, культурный обмен, произошедший между Баварией и Эйсеном, не мог не затронуть Австрию. Капиталистические по своему содержанию идеи из Эйсена, особенно популярные на фоне беспрецедентных успехов Фридриха во внутренней и внешней политике, быстро нашли поддержку у бюргеров.

Естественно, столь быстро распространяющаяся идеология, ещё и невероятно привлекательная для столь широкого круга лиц, задержалась в Баварии и Австрии крайне ненадолго, быстро перекинувшись на соседний Швабский союз городов. И если в Баварии и

Австрии, где не было множества крупных городов, капитализм развивался условно медленно, то в Швабии разгорелся настоящий пожар. Тем паче, что распространение капиталистических идей в достаточно богатой и урбанизированной Швабии очень удачно совпало по времени с появлением штутгартской ереси, бюргерской по своему характеру (то есть, отвечавшей интересам бюргеров, заинтересованных, прежде всего, в преумножении богатств, а не пышном церемониале католиков).

Ересь, усиленная всеобщей ненавистью к католическому клиру (при катастрофическом падении авторитета папы Клемента IV, оказавшегося неспособным управлять всем западно-христианским миром) и поддержкой бюргеров, быстро разгорелась, начав свою крайне агрессивную экспансию по обоим берегам Рейна. Увязанная с распространением капиталистической идеологии, она шла по Рейну, усеянному всяческими городами, быстрым и победоносным маршем.

Так в Европе, почти на 200 лет раньше, началась настоящая Реформация, вызванная катастрофическим падением авторитета папского престола при Клементе IV (причём полная неспособность папы навести порядок в королевстве Эйсен, как оказалось, была самой меньшей из причин этого).

Впрочем, как вскоре выяснилось, ересь, поставившая католический клир в Германии в крайне щекотливое положение, быстро вышла из под контроля. Будто смерч она пронеслась по всему Рейну, всюду уничтожая элементы, лояльные католической церкви. Немецкая знать, также недовольная засилием католического духовенства, быстро переобулась из «защитников христианской веры» в «защитников истинной христианской веры», ведь эта ересь также была им выгодна, как позволявшая присвоить себе владения «папистских диаволов» (тем паче, что эта ересь основной формой молитвы выдвигала труд и также активно призывала подчиняться светской власти).

Ну и, конечно же, эта познавательная история не была бы рассказана, если бы не тот факт, что эта Реформация, то быстро вышла за границы бассейна Рейна. Нет, Реформация обладала мощнейшим зарядом силы. Её проповедники в миг, буквально за считанные недели, оказались в соседних странах. Джон Уиклиф в Англии, Бернардино Окино в Южной Италии, Пьетро Карнесекки в Северной Италии, Ян Богерман в Голландии, Жан Кальвин в Швейцарии, Матьяш Биро в Венгрии, Ганс Таусен в Дании, Олаус Петри в Швеции и многие другие харизматичные проповедники возглавили марш Реформации по Европе. Как результат – к концу 1341 года практически вся католическая Европа, исключая разве что Испанию и Центральную Италию, оказалась поглощена втянута в религиозные дрязги…

http://tl.rulate.ru/book/66483/1797595